

Достаточно символично, что в числе участников конференции были ученые, которые сами заслуженно считаются учителями новых поколений гуманитариев: Татьяна Венедиктова, Росен Джагалов, Олег Лекманов, Вера Мильчина, Константин Лаппо-Данилевский и многие другие. Наряду с ними с докладами выступали студенты, магистранты и аспиранты НИУ ВШЭ — буквально ученики некоторых из этих ученых, — и ценно то, что конференция достаточно демократична, чтобы предоставлять слово не только обладателям ученых степеней, но и начинающим исследователям, если их работы соответствуют критериям научности.

Николай Поселягин

Вопросы паратекстологии:

ЗНАЧЕНИЕ ПОЛЕЙ
В ОРГАНИЗАЦИИ ИНФОРМАЦИИ

Международная научная конференция
«Вокруг текста: пара-, мета- и прочие маргиналии»

(ИЛИ РАН, Санкт-Петербург, 19–21 октября 2023 года)

DOI:10.53953/08696365_2024_189_5_405

Исследования «практик и дискурсов»¹, или разнообразных вербальных и визуальных элементов, выполняющих вспомогательную презентационную функцию по отношению к некоему тексту и, таким образом, определяющих его восприятие (значение, полезность, новизну, способ чтения и т.п.), получили существенный стимул благодаря известной работе Жерара Женетта «Seuils» (1987). В ней было введено понятие «паратекста», а также предложена классификация *паратекстов* (имя автора, заглавие, посвящение, эпиграф, предисловие и т.д.) и определена программа их изучения, учитывающая формальные, прагматические и функциональные аспекты. Признавая, что в той или иной форме паратекст существовал уже в древности, Женетт отметил, что на «наш век медиа» пришелся его особенный расцвет, которого не знали ни Античность, ни Средние века²: это прямо отразилось на материале книги — приводя очень широкий круг примеров, Женетт преимущественно опирается на литературную продукцию Нового и Новейшего времени.

В последовавших исследованиях были установлены факторы, которые способствовали значительному распространению «околотекстовых» составляющих в старопечатной книге (XV—XVIII веков)³, изучены практики чтения раннего Нового времени, активно задействовавшие поля печатных изданий (заполнявшиеся изда-

1 См.: Genette G. Seuils. Paris: Editions du Seuil, 1987. P. 7.

2 Genette G. Seuils... P. 9.

3 Ср.: Blair A. L'entour du texte: La publication du livre savant à la Renaissance. Paris: BnF Éditions, 2021. P. 18–20.

телем или самим читателем)⁴. Особенный интерес вызывает ранняя история титульного листа и посвячительных писем: первый служит своего рода индикатором развития печатной книги и книжного рынка⁵; вторые — помещают представляемый текст в социальную и экономическую среду его создания и распространения, а также связывают его с биографиями участников литературного процесса⁶. Впрочем, в качестве паратекста рассматривают не только вполне обособленные элементы книги⁷, но и те, что, располагаясь внутри основного текста, выполняют характерные для паратекста функции (интерпретативную, коммерческую и навигационную) — речь идет об инициалах, отступах, знаках абзаца, шрифтовых вариациях и т.п.⁸

Обоснованность и плодотворность объединения «околотекстовых» элементов, при всем их формальном разнообразии, рамками одной категории объясняется наличием ряда существенных прагматических характеристик, общих как для предисловия и посвящения, так и для фронтисписа, оглавления, указателя, маргиналий или справочного аппарата — их факультативностью, подвижностью, адаптивностью (в зависимости от составителя, адресата, условий издания) и неизменным выполнением вспомогательной роли по отношению к основному тексту (совсем не обязательно отражающей волю его автора⁹). Наконец, еще один важный признак паратекста — наличие маркеров, позволяющих читателю наверняка определять его факультативность и вспомогательность (если только сам замысел книги не требует обратного).

Сформулированные таким образом предварительно критерии паратекстуальности как будто предполагают или, по крайней мере, допускают взгляд за пределы литературы (художественной или научной) — в область канцелярских и школьных письменных практик, а затем — и за пределы письменной речи как таковой, в поисках типологических (или генетических?) соответствий книжному паратексту. Если текст почти неизменно предстает в сопровождении паратекстов, не является ли эта необходимость производной от самого устройства человеческой речи? Или даже человеческой коммуникации, не ограничивающейся языковым уровнем? Или же она связана специфически с визуально воспринимаемой информацией? Или, шире, с устройством человеческого внимания? Но тогда могут ли отношения «текст — паратекст» широко постулироваться за пределами вербального выражения? Или для сходных дихотомий в невербальных и неписьменных средах лучше использовать какие-то другие теоретические языки?

Эти вопросы, как, впрочем, и «традиционные» формы паратекстов рассматривались на осенней конференции Лаборатории антропологической лингвистики Института лингвистических исследований РАН «Вокруг текста: пара-, мета- и про-

4 Ср.: *Sherman W. Used Books: Marking Readers in Renaissance England*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2008.

5 *Smith M.M. The Title-Page: Its Early Development, 1460—1510*. London: British Library, 2000; *La page de titre à la Renaissance / Éd. par J.-F. Gilmont, A. Vanautgaerden*. Turnhout: Brepols, 2008. В качестве примера более узкой постановки вопроса см.: *Yañez-Bouza N. Paratext, title-pages and grammar books // Studia Neophilologica*. 2017. Vol. 89. P. 41—66.

6 *Cui dono lepidum novum libellum? Dedicating Latin Works and Motets in the Sixteenth Century / Ed. by I. Bossuyt [et al.]*. Leuven: Leuven University Press, 2008; *Кочеткова Н.Д. Посвящения в русских изданиях XVIII века: исследование, тексты, библиографический указатель*. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2020.

7 Ставшие недавно предметом специального справочника: *Book Parts / Ed. by D. Duncan, A. Smyth*. Oxford: Oxford University Press, 2019.

8 См., например: *Ruokkeinen S., Liira A. Material approaches to exploring the borders of paratext // Textual cultures*. 2017. Vol. 11 (1/2). P. 106—129.

9 Ср.: *Kastan D.S. The body of the text // English Literary History*. 2014. Vol. 81 (2). P. 443—467.

чие маргиналии» на примере сюжетов из разных эпох и связанных с разными носителями информации. Конференция собрала специалистов по истории литературы, истории книги, фольклористике, социолингвистике и антропологии из Вологды, Иерусалима, Москвы, Парижа, Санкт-Петербурга, Сыктывкара и Тюмени (некоторые участники выступали онлайн). Программа¹⁰ была организована достаточно свободно — три дня с панелями по три-четыре доклада и большими перерывами, — что позволило значительную часть времени посвятить обсуждению докладов и общению в кулуарах, а также провести финальную дискуссию. О том, чему были посвящены доклады и какие тезисы стали предметом дискуссии, рассказывает наш обзор.

* * *

Первый день, *praemissis praemittendis*, открылся секцией «Паратекст — парабланк», посвященной практикам письма на печатных бланках. *Александра Касаткина* (ИЛИ РАН / НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург) в докладе «*Околотекстовые элементы в бюрократических документах: паратекст или маркеры контекстуализации?*» после краткого обобщения теории паратекста предложила описывать околотекстовые явления при помощи теоретического языка исследований устной речи. Маркеры контекстуализации — это речевые сигналы, способствующие взаимопониманию собеседников (интонация, темп речи и т.д.) и, в отличие от письменных паратекстов, обычно используемые неосознанно (Дж. Гамперц¹¹). Этот язык описания Касаткина применила к архивным материалам решений исполкомов Ленинграда и Ленинградской области 1980-х годов и показала, как бланки, правки и пометки на полях актуализируют разные контексты, через которые проходит бюрократический документ в процессе подготовки. Был поставлен вопрос о статусе резолюции — записи на документе, являющейся тем не менее самостоятельным высказыванием и ответом на его содержание. В дискуссии после доклада было отмечено, что в делопроизводстве существует собственная таксономия реквизитов, и рассмотрение документов и резолюций в исследовательской рамке «паратекста», вне традиционной номенклатуры, по сути, «деконтекстуализирует» материал.

Второй доклад секции — «*Не только текст*»: что и как люди пишут (и не только пишут) на бланках «*Тотального диктанта*» — был прочитан онлайн участницами из Тюмени. *Наталья Кузнецова* и *Екатерина Новокрепченых* (ТюмГУ) на материале 585 работ за 2023 год рассмотрели специфику заполнения отдельного поля, предназначенного для самовыражения участников «Тотального диктанта» (заполнено в 223 работах). При анализе учитывались такие критерии, как соблюдение границ поля, степень автономности записей относительно содержания текста диктанта, разнообразие языка и способов самопрезентации. Для описания явления в целом авторы предложили использовать кодикологический термин «экстратекст». Обсуждение доклада касалось изменений содержания и формы записей, произошедших после появления легитимированного пространства для них (прежде участники диктанта выражали себя на свободных участках бланка), доли негативных реакций на сам опыт диктанта, а также использования рассматриваемого поля для пробы пера.

10 См. онлайн: <https://nenadict.iling.spb.ru/conferences/2023/221> (дата обращения: 09.07.2024).

11 *Gumpertz J.* Contextualization and Understanding // *Rethinking Context: Language as an Interactive Phenomenon* / Ed. by A. Duranti and C. Goodwin. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 229—252.

Галина Орлова (НИУ ВШЭ, Москва) в докладе «*Записная книжка пионера: топология (не)регламентированных записей*» обратила внимание на историю бумажного тайм-менеджмента начиная с середины XIX века (календари разного типа, выпускавшиеся в Петербурге Отто Кирхнером). Замечательный образец этой практики представляют сохранившиеся экземпляры выпускавшихся типографским способом «Записных книжек пионера» и другой аналогичной продукции советской эпохи — ежедневников «День за днем», «Подруга», записных книжек агитатора и пропагандиста, мастера, охотника и рыбака и т.д. Докладчица отметила, что такие издания предлагали мало пространства для свободного письма; тем не менее Орлова ни разу не видела, чтобы их графы и страницы были заполнены полностью, более того, там частенько писали не то, что рекомендовалось, осваивая и присваивая директивное пространство «записной книжки». Таким образом, это уникальный источник для исследования не только практик организации информации, но и советских техник субъективации. К сожалению, по словам исследовательницы, корпус этих источников ограничен (по сравнению с официальными бланками, хранящимися в архивах) — их можно лишь случайно обнаружить в частных коллекциях и на блошиных рынках.

Вторая секция — «Трансмедийный паратекст» — объединила доклады, рассматривающие «околотекстовые» явления за пределами письменного текста или в его сочетании с визуальными средствами (изображениями, видео) и устной речью.

Елена Ильина (ВоГУ, Вологда) посвятила особенностям использования «народного» текста в новых медиа доклад «*Осторожно: злая собака!*» в контексте лингвистики постфольклора». Материалом исследования стали объявления, созданные в речевом жанре «запрета» (В.И. Карасик¹², Т.В. Шмелева¹³), структура которого предполагает, в частности, вербализацию антидействия, обозначение локуса запрета и причины запрета. Докладчица отметила характерные для современных объявлений такого рода аллюзии на фильмы, отсылки к официальным формулам, а также использование иронии. Такая метатекстовая специфика «запретов» может быть связана с их бытованием преимущественно в виртуальной среде, а не в реальном городском пространстве (впрочем, часть аудитории была не согласна с последним утверждением). Доклад вызвал множество вопросов — о возможностях иронической модификации формулы «объект охраняется ...»; о том, каково функциональное соотношение текста и изображений в структуре запрета и т.д.

Даниил Коськов (ЕУСПб) рассказал о литературных и медийных практиках альтернативных историков — авторов сочинений-реконструкций, вроде «Когда утонул Пра-Питер» или «Исаакий — храм цивилизации великанов». Доклад — «*Маргинальные маргиналии: особенности организации письменного текста у альтернативных историков*», — несмотря на очевидную филологическую проблематику, строился по правилам антропологического отчета: сведения об авторах-информантах были анонимизированы и сводились к описаниям, вроде «первый автор — мужчина, 70 лет, художник, бывший военный, на пенсии, активно ведет блог на “ЖЖ” и “Дзене”, редко на “Youtube”». Учитывая, что названия книг приводились без купюр, это не столько придавало докладу строгость, сколько создавало атмосферу игры, характерную и для поведения его героев, тоже лабирующих между правилами разных медиа. Докладчик заметил, что альтернативные историки, стремясь преодолеть недостатки книжного формата при публикации своих произведений, приближают печатные тексты к облику онлайн-публикаций — снабжают

12 Карасик В.И. Язык социального статуса. М.: Гнозис, 2002.

13 См., например: Шмелева Т.В. Речевой жанр (Возможности описания и использования в преподавании языка) // Russistik. Русистика. 1990. № 2. С. 20—32.

книги, вместо библиографических описаний, текстовыми ссылками на интернет-сайты, содержащие публикации книг; воспроизводят статьи из онлайн-энциклопедий; публикуют QR-коды; маркируют цитаты рамками; приводят целые плейлисты из «Youtube» и др. Участники дискуссии подняли вопрос о границах понятия авторства применительно к таким составным и разноформатным «текстам», о степени мимикрии под научный текст в работах альтернативных историков; также к их работам было предложено применять термин «трансмедийный продукт» из исследований медиа.

Завершил секцию доклад *Никиты Шевченко* (ЕУСПБ) «*Буквой закона: прагматика ссылки и юридическая аргументация в коммуникации с чиновниками*», в котором речь также шла о практиках цитирования. Докладчик рассмотрел формы и функции ссылок на законодательство в коммуникации призывников и их родителей с чиновниками. Специальное внимание было уделено организации правовых семинаров и консультаций, подготавливающих к общению с сотрудниками военкоматов и распространяющих определенные представления об эффективности тех или иных средств коммуникации. Среди них были отмечены фетишизация юридического языка и вера в магическую эффективность буквы закона и отдельных формул (на семинарах, например, настойчиво предлагалось: «Говорите волшебную фразу... — и вы почувствуете, как все вокруг начнет меняться»). Полученные знания закрепляются через разыгрывание с посетителями консультаций ситуации похода в военкомат и подготовку стандартных «папок безопасности». Участники заседания порекомендовали докладчику использовать иной язык описания — выйти из рамок дискурса правозащитников (обратившись к работе Дж. Ричланда о юридическом дискурсе¹⁴), а также отметили неоднозначность прозвучавшего термина «магическая эффективность».

Третья секция первого дня — «Между строк: паратекст в периодике» — фокусировалась на специфике паратекстовых явлений в печатных изданиях, имеющих периодический и отчасти эфемерный характер, а потому прочно связанных с актуальным контекстом и предполагающих вовлеченность в него читателей.

Елизавета Гришечкина (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург) в докладе «*Предисловия к самиздатскому журналу “Мария” (1980—1982): попытка включения советских женщин в политический дискурс*» рассмотрела историю феминистского самиздата в СССР, начало которому положил выход альманаха «Женщина и Россия» (1979). Основным же материалом исследования стал журнал «Мария», от которого из шести вышедших номеров сохранились только первые три (тираж журнала — всего пять экземпляров). Докладчица проанализировала тематику выпусков, отметив значение религиозного (христианского) просвещения в идеологии журнала. Из паратекстов в докладе были рассмотрены предисловия, в том числе посвященные истории издания и судьбе его участниц, а также издательские примечания, обыгрывавшие формулировки традиционной прессы (например, «За фаллократические высказывания авторов-мужчин редакция ответственности не несет!»). Вопросы слушателей преимущественно касались феминистской тематики — роли женщин в политической жизни СССР, создания образа новой женщины в официальных изданиях 1960—1970-х годов; также было отмечено, что, несмотря на дистанцирование от официальной культуры, в тексте журнала (бессознательно) воспроизводились советские идеологические клише.

Второй докладчик — *Михаил Кулагин* (НИУ ВШЭ, Москва; доклад «*Организовать условия чтения*»: политэкономия верстки советских газет») — напро-

14 См.: *Richland J.B.* Jurisdiction: Grounding Law in Language // Annual review of anthropology. 2013. Vol. 42. P. 209—226.

тив, обратился к принципам издания официальной прессы советского времени, представив их в динамике — от сталинского периода к годам оттепели. Помимо самих периодических изданий важным источником исследования стали позднесоветские руководства по оформлению газет. В начале доклада Кулагин рассмотрел теоретические аспекты понимания формы как элемента дискурса (М. Фуко), используя, в частности, термин «графезис» (Дж. Дракер¹⁵). Затем он обратился к отдельным составляющим макета газеты, связывающего «экономия взгляда» со «спatialной и темпоральной экономией», — устройству первых полос, симметрии/асимметрии в расположении статей, использованию «фонарей» и «подвалов», моде на «сапожки» и роли иллюстраций. Пропагандистская функция газет требовала, с одной стороны, ориентации на стандартные практики чтения (последовательность чтения, ожидаемые рубрики, размер шрифта и т.д.), с другой — поиска новых форм для оживления внимания читателей (например, в 1960-е годы произошло переосмысление в верстке опыта авангардных художников 1920-х годов).

Второй день конференции открылся секцией «Перевод и комментарий», участники которой проблематизировали интерпретативную функцию паратекста. Заседание началось докладом *Екатерины Троценковой* и *Екатерины Рудневой* (СПбГУ) «*Метаязыковые комментарии о юридических текстах*». В нем исследовательницы обратились к особому роду комментариев — объяснениям тех или иных особенностей профессионального языка юристов, которые вызывают недоумение или неприятие у широкой публики (характерный пример недоумения: «Не понимаю, как юристы воздерживаются от бранной лексики!»). Такие метаязыковые комментарии широко представлены в интернет-пространстве, на различных юридических форумах; дополнительный материал докладчицы собрали в ходе интервью. Юристы делятся с клиентами примерами собственного умения «переводить» с юридического на разговорный язык, рассказывают о ситуациях непонимания, случающихся на судебных заседаниях, и т.п. В докладе было показано, что функция метаязыковых комментариев состоит в регулировании восприятия и интерпретации речи юристов, что сближает их с задачами паратекстов печатных изданий, подготавливающих читательский взгляд на текст.

Аглая Янковская (Еврейский университет в Иерусалиме, Израиль) в докладе «*Рукопись “Умм ал-Барахин” из Палембанга: межстрочный перевод как паратекст*» вывела обсуждение за пределы европейского культурного контекста. Изученный ею текст широко известен в мусульманском мире: это краткое изложение основных принципов мусульманской веры. Большой интерес представляет макет рукописной страницы: поначалу пространственный приоритет в нем отдается комментарию (весьма разнообразному по содержанию), который занимает основную часть листа, тогда как комментируемый арабский текст записан в центре узким столбиком; кроме комментария в рукописи дан перевод на язык региона (в данном случае яванский), его фрагменты «подвешены» наискосок под арабскими словами (отсюда название — «бородатые книги»). Ближе к концу рукописи комментарий становится все более редким; докладчица, изучившая другие списки этого сочинения, отметила, что лишь в редких случаях комментарий и перевод сохраняются последовательно до конца рукописи. Таким образом, в рассмотренных Янковской экземплярах учебника проявляется важная специфика рукописного паратекста — его нерегулярность и вариативность (в сравнении с печатной книгой). В дискуссии после доклада обсуждалось влияние на форму межстрочного перевода практик обучения, в которых использовалась эта рукопись.

15 *Drucker J. Visualization and interpretation. Humanistic Approaches to Display. Cambridge: The MIT Press, 2020.*

Следующий доклад («Книга “Буквы”: первый опыт субъективного описания лексической семантики») был также посвящен практикам рукописной книжной культуры. Предметом исследования *Ксении Костомаровой* (ИРЯ РАН, Москва / МГУ) стал анонимный лексикографический труд на русском языке. В рукописный сборник, датируемый серединой XVII века, вошли также грамматическое сочинение и трактат о восьми частях слова. Основная задача книги «Буквы» состояла в предотвращении ошибок при толковании библейских текстов; таким образом, по сути, она представляла собой словарь трудностей русского языка (ложных лексических эквивалентов, омонимов, параллельного использования полногласных и неполногласных форм и др.). Костомарова проанализировала принципы выделения паратекста в словарных статьях: графически маркированы грамматические показатели (записаны красными чернилами) и ссылки на места Священного Писания (даны на полях); напротив, различного рода содержательные комментарии не выделены визуально. После доклада один из слушателей задал вопрос о возможном влиянии на структуру текста византийской лексикографии, в которой также были популярны словари омонимов и редких слов (исследовательница обещала изучить возможные источники).

Евгений Головкин (ИЛИ РАН, Санкт-Петербург / ЕУСПб) в докладе «Понять исчезнувший язык: между расшифровкой, элициацией и (мета)комментарием» обратился к очень специфическому роду комментариев — пояснениям к языковому материалу, которые делают информанты — носители языка. Изучение этих комментариев имеет важное значение для теории полевой лингвистики, поскольку их характер часто навязывается самими лингвистами с помощью «элициаций» (наводящих вопросов), так что информанты в конце концов выдают заранее ожидаемый результат. Текст, который готовится к изданию, может до неузнаваемости отличаться от первоначально записанного материала (исследователь ищет европейскую логику, переставляет слова, не понимая местную поэтику). Эти вопросы были рассмотрены на материале аудиозаписей алеутского языка, сделанных в 1909 году В. Йохельсоном. Головкин смог расшифровать их с помощью носителя другого диалекта алеутского: в центре внимания докладчика оказался разговор с информантом, который слушает записи Йохельсона и встречается с «древностями» собственного языка.

Секция «Автобиографизмы и текст в становлении», подчеркнувшая роль паратекста в самопрезентации авторов, началась с доклада *Юлии Воробьевой* (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург) «*Мои значимые другие*»: (б)лики теории С. Бойм», в котором она представила два возможных подхода к установлению отношений между текстом и биографией его автора. Последнее автобиографическое эссе филолога и исследовательницы культуры Светланы Бойм было опубликовано с предисловием редактора, которое описывает обстоятельства создания этого текста, написанного в больнице в ожидании серьезной операции. В качестве альтернативного контекста докладчица предложила читать это эссе в свете ранней теоретической работы Бойм, в которой можно обнаружить концептуальную рамку для его понимания. Как было отмечено в дискуссии, паратекстом в строгом, женеттовском, смысле этого слова является только первый пример, в то время как второй скорее демонстрирует ограничения структуралистской теории, когда речь идет о текстах, не помещенных автором или издателем явным образом в иерархические отношения между собой.

Максим Лукин (НИУ ВШЭ, Москва) в докладе «*Записные книжки В.С. Гроссмана: в поисках итоговой редакции*» продолжил тему биографического творчества писателей. Записные книжки В.С. Гроссмана существуют в трех редакциях: рукопись, сокращенная и отредактированная машинопись и еще более урезанное издание 1989 года. Лукин рассмотрел возможность подготовки нового издания, в котором при помощи комментариев на полях, пометок, использования разных шрифтов и других визуальных средств текст был бы представлен в своем становлении. В дан-

ном случае паратекст отражал бы динамику текста и связывал бы ее с биографией Гроссмана, а также подчеркивал бы диалогический характер текста, возникающего в условиях цензуры, самоцензуры и редакторской обработки. В то же время докладчик признал, что в таком виде текст записных книжек окажется далек от авторского замысла. Впрочем, главным препятствием для подготовки публикации оказывается неготовность издателей к осуществлению такого рода новаторского проекта.

Секцию завершило онлайн-выступление *Дмитрия Бральнина* (СГУ, Сыктывкар) под названием «*Транстекстуальные элементы в жанре пародии (на примере поэмы Константина Арбенина “Пушкин мой”)*», композиционной рамкой которого стала классификация паратекстов в классической теории Ж. Женетта. Докладчик восстановил законное место термина «паратекст» в ряду других транстекстуальных или интертекстуальных явлений, описанных французским структуралистом, и показал принципы их работы в пародийной поэме К. Арбенина. Обложка, иллюстрации, название, эпитафия, сама структура поэмы — все служит установлению отношений между пародией и оригиналом. В то же время, выделяя и гипертрофируя определенные черты поэзии Пушкина и воспроизводя канонические вехи его биографии, пародия управляет читательским восприятием творчества поэта.

Секцию «Вокруг и внутри печатного текста» открыл доклад *Михаила Сергеева* (СПбФ ИИЕТ РАН / РНБ, Санкт-Петербург) «*Паратекст в гуманистическом справочном издании: на примере “Хроники знамений” (1557) Конрада Ликосфена*». Обратившись к классическому периоду становления книжного паратекста, докладчик показал, как ученый и компилятор XVI века Конрад Ликосфен в справочнике чудес и знамений, явленных за всю историю человечества, обрабатывал техники компактного представления информации, балансируя между интересами гуманистической филологии и коммерческой успешностью книги в условиях массового книгопечатания (одновременно с латинским вышло немецкое издание книги). На страницах справочной литературы того времени формировались стандарты библиографических ссылок, указателей, использования иллюстраций, рождалась технология управления текстовой информацией, основанная на дихотомии текста и второстепенных по отношению к нему паратекстовых элементов — с этих позиций Сергеев рассматривает особенности титульного листа, предисловий, списка источников и средств навигации в изданиях труда Ликосфена. Участники дискуссии провели параллель с современной цифровой гуманитаристикой, решающей, по сути, ту же проблему информационной перегрузки и разделения уровней текста при помощи новых компьютерных технологий.

Инна Меркулова (ГАУГН, Москва), продолжая традиции московско-тартуской и парижской семиотических школ, отметила особую востребованность семиотических методов в изучении взаимодействия вербальных и визуальных средств выражения. Доклад «*Периферийная пунктуация и окружение текста: семиотические аспекты*» был посвящен графической форме современных французских рассказов и новелл, причем наряду с печатными рассматривались издания на электронных носителях. Вопрос, поставленный Меркуловой, касался возможностей периферийных элементов в маркировке полифонии высказываний. На примере множества изданий французской беллетристики последних десятилетий докладчица показала, как полифония высказываний выражается с помощью визуальных средств (например, энонсиативная дистанция выражается с помощью курсива; курсивом также выделяется «семиотическое тело» высказывания). Во время обсуждения доклада был снова затронут вопрос о роли издателя в установлении конечной формы печатного текста (в том числе его периферийных элементов).

В конце второго дня конференции с онлайн-докладом «*“Мф. VI, 9” или “Матфея, 6, 9”?* Ссылки на библейские стихи как культурный маркер» выступил *Нияз*

Киреев (Высшая нормальная школа, Париж / НИУ ВШЭ, Москва). Сперва докладчик обратился к истории издания библейского текста и особенно к появлению стандартной разбивки на главы и строки, сложившейся благодаря деятельности парижского королевского типографа Робера Этьенна. Такое деление было необходимо как для богослужения, так и для экзегезы Священного Писания; главное — оно позволило давать точные ссылки на цитируемое место Библии. Киреев отметил, что до сих пор в русскоязычной литературе нет единообразия в такого рода ссылках: варьируются как пунктуация, форма числительных, так и сокращения названий книг (Мф, Мтф; Мк, Мрк; Иоан, Ин). Сами сокращенные написания более характерны для церковно-богословских текстов. Несмотря на изучение значительного числа источников (по НКРЯ), исследователю, кажется, не удалось найти строгих закономерностей, связывающих те или иные формы сокращений в ссылках с функциональными особенностями текстов или определенными категориями авторов. После доклада слушателями было отмечено, что более продуктивным может оказаться сфокусированный анализ особенностей таких ссылок в конкретных сочинениях, изданиях, у отдельных авторов и т.д.

Первая секция третьего дня конференции — «Работа паратекста» — была посвящена прагматике паратекстовых явлений и открылась докладом Александры Дугушиной (ИЛИ РАН, Санкт-Петербург) «*“Тьфу-тьфу-тьфу” в российском материнском блоггинге: вербальный оберег и метатекстовый элемент*». Исследовательница рассмотрела примеры функционирования формулы «тьфу-тьфу-тьфу» и ее вариантов при обсуждении маленьких детей в родительских блогах, публикуемых в трех известных социальных сетях. Подобными вербальными оберегами сопровождаются благопожелания, похвалы, рассказы о положительных сдвигах в развитии ребенка. Дугушина трактует это явление как метатекст в понимании А. Вежицкой и М. Ляпон, которые подчеркивали его способность корректировать речевой поступок или контролировать речевой замысел и последствия высказывания¹⁶. Его функция в родительском блоггинге может состоять в выстраивании новой цифровой солидарности через соблюдение коммуникативных конвенций, традиционных для устного офлайн-общения.

Екатерина Руднева (ИЛИ РАН, Санкт-Петербург) в докладе «*Функции хезитаций во взаимодействии: пара- vs. мета-*» обратилась к хезитациям в устной речи, а именно паузам, как заполненным, так и не заполненным звуками. Докладчица отказалась следовать традиции, отводящей таким явлениям область «паралингвистики», поскольку они иногда не только превосходят «основную» реплику по объему, но и определяют понимание высказывания, сообщая ему сомнение, превращая «да» в «нет», маркируя вкрапление чужой речи или отношение говорящего к теме, смягчая угрозу и т.п. Современные теории рассматривают их как функциональные перерывы для планирования дальнейшей речи и организации взаимодействия с собеседником. Впрочем, участники дискуссии отметили, что на практике в силу стереотипа хезитация часто интерпретируется только как признак когнитивных затруднений.

Алишер Шарипов (ИЛИ РАН, Санкт-Петербург) в докладе «*“У тебя дух предка на плече”*: прагматика спонтанного медиумизма в интервью с шаманкой» предложил рассматривать сеанс контакта с духом, который устроила вьетнамская шаманка во время исследовательского интервью, как околотекстовый элемент — своего рода «примечание» к беседе, призванное продемонстрировать ее умения в деле. Шарипов отметил, что если внутри взаимодействия «примечание» вы-

16 См., например: Ляпон М.В. Смысловая структура сложного предложения и текст: к типологии внутритекстовых отношений. М.: Наука, 1986.

полнило свою функцию, и он был искренне впечатлен явлением духа, то позднее, когда он несколько раз пересмотрел видеозапись этого эпизода, первоначальный эффект был разрушен, поскольку он смог разглядеть приемы, которые использовала его собеседница для управления его вниманием. Эти приемы — не только слова, но и жесты, направление взгляда, расположение тела в пространстве — тоже могут анализироваться как паратекстовые элементы. Обсуждение после доклада касалось преимущественно этического вопроса — допустимости «разоблачения» действий информанта — участника интервью.

Завершилась секция онлайн-докладом *Юлии Драчевой* (ВоГУ, Вологда / Вологодская духовная семинария) и *Елены Кириловой* (Вологодский педагогический колледж / Вологодская духовная семинария) «*Паратексты, манифестирующие православную веру, и их влияние на восприятие текста*», который был посвящен особенностям представления книг в электронных библиотеках на православных интернет-порталах. Докладчицы проанализировали паратексты, сопровождающие размещение на православных сайтах сочинений богословов и художественной литературы и призванные рекомендовать их к прочтению. Помимо содержательной аннотации, важную роль играют церковный сан автора и другие биографические сведения о нем (на форумах пользователи обсуждают, например, вопрос, можно ли верить человеку, который называет себя священником, лишившись сана), название (православного) издательства, выражение благодарностей. Публикация светских книг (А. Конан Дойла, А. де Сент-Экзюпери, Ф. Бернетт и др.) сопровождается истолкованием их сюжета как представления Божественного промысла; в онлайн-библиотеках имеется и специальный раздел, посвященный сочинениям, которые не следует изучать православным читателям. Во время обсуждения был затронут вопрос об использовании кириллического шрифта в оформлении православных порталов как маркера (впрочем, менее надежного, чем рассмотренные) соответствия текстов православной доктрине.

Секция «Условия хранения» открылась сообщением *Натальи Комелиной* и *Арины Бильдюг* (ИРЛИ РАН, Санкт-Петербург) «*Сию книгу читал, а ничего не сказал, хорошо ли или погрешительно писано*»: *заметки на полях рукописей крестьян-поморов*». На полях, форзацах и пустых листах рукописных книг старообрядцев Зимнего берега Белого моря можно найти пометы, оставленные владельцами книг в XIX—XX веках. Это записи о продаже и покупке книг, восполнение утраченного оглавления или заглавия, подчеркивания, сообщения о прочтении книги, которые могли складываться в читательские дневники. Другие заметки не связаны с содержанием книг: пробы пера, фенологические наблюдения, записи о важных событиях жизни — свадьбе, строительстве дома, покупке корабля, потере коровы. Записи об усопших повторяются из книги в книгу — для их поминания потомками. Такие фрагменты семейной хроники связывали книги с конкретной семьей. В дискуссии после доклада был поднят вопрос о необходимости специфического наименования для записей или иных дополнений (закладки, посторонние листы), которые, в отличие от паратекста, не связаны с содержанием сочинения, имеют случайный или практический характер.

Доклад *Марии Шекокихиной* (МПГУ, Москва) «*Письменные памятники как объект юриста и историка. Описание документов в Европе XVII века*» завершил секцию и конференцию в целом. Размышления эрудита XVII века Жана Мабильона о критериях установления подлинности документов оказали существенное влияние на становление источниковедческих дисциплин, но при этом, как подчеркнула докладчица, сам он рассматривал подлинность преимущественно в юридическом смысле, а не в историческом. Как было отмечено одним из слушателей во время дискуссии, подход Мабильона существенным образом отличался от гума-

нистического: если гуманисты видели в ошибках в античных текстах позднейшие искажения, которые внесли переписчики и которые следует устранить (произведя эмендацию), то Мабильон работал с ошибками как с приметамы эпохи и свидетельствами подлинности документа. Также был поднят вопрос о статусе подделки: можно ли считать подделку своего рода комментарием ее создателя к имитируемой исторической эпохе? В этом случае подделку можно сравнить с метаязыковым комментарием.

* * *

Функцию паратекста по отношению к кратко резюмированным секциям выполняли разговоры-маргиналии — рядом, между и после пунктов программы. Здесь то и дело звучал спонтанно возникший дистих-пароль «Привет // Женетт» (который мог бы открывать доступ к кофе-брейкам), фантазировалось о модном показе на возможной будущей конференции (с отсылкой к «одежде мыслей» — то ли Джонсона, то ли Горького), обсуждались центр и периферия меню соседних кафе, рисовались маршруты и карты. Не всегда получается *post factum* установить связь многих паратекстов с основным текстом, однако те из них, которые определенно продолжали или ставили под сомнение реплики докладчиков, мы постараемся обобщить и структурировать ниже — увы, неизбежно обрезая поля, подобно искусным, но строгим переплетчикам Нового времени.

Главным и наиболее острым оказался вопрос о продуктивности постулирования дихотомии «текст — паратекст» (или, шире, «текст — околотекстовые элементы») применительно к различному языковому и культурному материалу. В действительности, многие участники, узнав о конференции и готовясь к ней, *впервые* попробовали применить эту модель описания к своему материалу — и теперь делились соображениями об успешности и эвристической целесообразности этого опыта, взвешивали аргументы «за» и «против».

С одной стороны, нечеткость и непоследовательность в разграничении текста и его периферии наглядно следовала из многих *case studies*, представленных в докладах. Подобно фигуре и фону на знаменитых изображениях гештальтистов (ваза или два профиля?), текст и «околотекст» могут меняться местами в зависимости от позиции создателя (создателей) произведения и его читателя. Для верстальщика газеты макет страницы будет не периферийным, а основным компонентом по отношению к публикуемым текстам. Для исследователя вьетнамского шаманизма сеанс вызывания духа во время интервью с медиумом может оказаться важнее, чем само интервью, которое — с его точки зрения — только комментирует эту практику. Легко представить ситуацию, когда читателя интересуют в книге только сноски, библиография или указатель. В связи с этим звучало предложение отказаться от очевидно иерархического деления и говорить, например, об отдельных высказываниях в сети отношений (вслед за М. Фуко).

С другой стороны, неоднократно было показано, что, по крайней мере, образованные носители городской культуры легко считывают присутствие и работу различных видов паратекста в печатных, интернет-изданиях и других носителях информации. При этом различные материальные среды создают неодинаковые условия для манифестации и функционирования дихотомии «текст — паратекст». Бумага и печатный станок придают соотношению текста и периферии явный и регулярный характер, в то же время оставляя пространство для посторонних записей, индивидуальной рефлексии каждого читателя. Цифровая среда, заметно ориентируясь на книжную традицию в вопросах иерархии и визуализации, предлагает жестко организованную инфраструктуру со стабильной границей основного «текста» и

комментария (в том числе в форме изображений или мемов). Напротив, в устной речи существование околотекстовых элементов отрефлексировано хуже всего, часто воспринимается как необязательное, периферийное и подвергается пейоративным оценкам. Их изучением занимаются при помощи технологий аудио- и видеозаписи, ведь, разворачиваясь во времени, устное взаимодействие дает очень ограниченные возможности для спонтанного анализа. В этой связи интересными представляются возможности нарочитого маркирования «паратекстов» устной речи (в том числе интонации и хезитаций) при ее передаче на письме.

Размышления об «околотекстовых» элементах в различных медийных средах и в разные эпохи, так или иначе, выходят на более общие проблемы организации информации и управления вниманием и, таким образом, требуют привлечения инструментария когнитивной психологии, кибернетики, информационного менеджмента и др. Стремительная цифровизация всех сфер нашей жизни делает насущным разговор о причинах и последствиях информационных революций раннего Нового времени или XIX—XX веков и о принципах взаимодействия и структурирования текстовой, аудио- и визуальной информации в новых медиа. Таким образом, мы надеемся, что начатый в 2023 году в стенах ИЛИ РАН разговор будет продолжен.

Александра Касаткина, Михаил Сергеев

Guilty Pleasure:

РИТОРИКА СТЫДА И ВИНЫ
В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

Международная конференция
**«Предосудительные удовольствия:
стыд, лицемерие, репрезентация»**

*(ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, «Новое литературное обозрение»,
13–14 ноября 2023 года)*

DOI: 10.53953/08696365_2024_189_5_416

13–14 ноября 2023 года в онлайн-формате при поддержке издательства «Новое литературное обозрение» прошла конференция «Предосудительные удовольствия: стыд, лицемерие, репрезентация». Идея конференции, как она была сформулирована ее организатором *Константином Богдановым* (ИРЛИ РАН, Санкт-Петербург) состояла в следующем: «Предосудительное, или постыдное, удовольствие (guilty pleasure) — словосочетание, вошедшее в коммуникативный обиход для определения чувства вины за пристрастия, которые, не будучи криминальными, почему-либо считаются социально предосудительными. Мера такой предосудительности устанавливается субъективно, но связываемое с нею чувство вины и стыда обладает социально значимым характером — как практика адаптации к нормам и ценнос-